

В

роде совсем недавно обычно раз в месяц в телефонной трубке раздавался знакомый голос: «Чистоклетов напоминает о себе...»

Григорий Федорович говорил с хрипотцой, четко чеканя слова хорошо отработанным за долгие годы на школьных уроках голосом учителя:

— Письмо получил. Спасибо. Как дома в Митрофановке побывал, вместе с вами поездил по полям, по нашим горам и долам.

Ветерана Великой Отечественной войны «заточил» в стенах городской воронежской квартиры тяжелый недуг. Артиллерист-«огневик» немало снарядов в руках понянчил, пушку выкатывал на прямую наводку. В марте 1945 года, воевал тогда в составе 3-го Белорусского фронта, попал в госпиталь, где перенес хирургическую операцию на венах. С возрастом болезнь суставов и вен все чаще и чаще напоминала о себе, пока вконец не обезножила. Нетрудно представить, что означало это (находил в себе силы шутить) «великое сидение» для него, учителя географии, который вместе со своими ребятами исходил Воронежский край вдоль и поперек, путешествовал немало и по Советскому Союзу...

Даже по внутриобластной «междугородке» долго не поговоришь, счетчик быстро из копеек наматывает рубли. Потому приходилось останавливать увлекавшегося беседой Григория Федоровича. Отмечал на листке его просьбы — в Митрофановке заглянуть на дачу-усадьбу, разузнать в школе то-то и то, в Кантемировке передать приветы журналистам районной газеты, статья для них почти готова, занести книгу в районный отдел образования... Обещал ему обстоятельно написать обо всем.

...Я не был школьным учеником у Чистоклетова. В шестидесятые годы студентом Воронежского пединститута сотрудничал в нашей многотиражной газете «Учитель». Попало в руки письмо со статьей о поездке Льва Николаевича Толстого в Воронежский край. Не вчитываясь, вслух засомневался в достоверности рассказанного. Сам ведь родом из тех мест. Краеведением меня уже всерьез «заразил» мой сельский учитель-подвижник Иван Иванович Ткаченко, который в истории края «все знал». Но и он вроде бы тоже не слыхивал о том, что великий писатель был в Митрофановке. Сомнения сразу же развеяла редактор газеты Екатерина Михайловна Иванова:

— Автор очерка — человек серьезный. Он у нас в аспирантуре учился, преподавателем работал. Учебник по географии Воронежской области с его участием написан...

Оказалось, Григорий Федорович Чистоклетов, возвратившийся после аспирантуры в свою сельскую школу, действительно, ничего не выдумывал, не сочинял. Еще с начала пятидесятых годов он с завидным упорством и терпением «раскапывал» краеведческую тему. Он стремился к тому, чтобы его ученики, односельчане знали собственную историю, свою родословную, гордились ею.

Позже меня познакомит с Чистоклетовым как раз мой школьный наставник Ткаченко, кстати, тоже фронтовик. Встретаться будем в «учительском имении» — так Григорий Федорович называл свое подворье на окраине Митрофановки. Роскошные яблони под сенью ветроломной лесозащитной полосы. Островок ковыльной, не тронутой плугом степи, за ним он любовно присматривал. Этим заповедным островком он гордился. Огородик-кормилец спускался в балочку — к пруду, сотворенному с его участием. На самой усадьбе — кухня, времянка и остов фундамента дома, который так и остался недостроенным.

Беседовали в рабочем кабинете. Пишущая машинка на столе в окружении книг, папок с бумагами и фотографиями, письмами. Кажущийся беспорядок для постороннего, но у хозяина — все на своем должном месте. С ходу берет потребовавшийся вдруг в разговоре книжный томик из библиотечной «обоймы» на полках. В полчище бумаг сразу находит нужный документ.

Не скрывал радости от обнародования своих трудов: в Воронеже вышел краеведческий сборник «Собеседник» с его очерком «Сюда приезжал Толстой»; в Ростове-на-Дону в коллективной книге напечатали подборку его стихов... Его краеведческие заметки публиковались в богучарской, росошанской, павловской газетах. А на страницах родной кантемировской «районки» он еще вел читателя и в мир природы, призывал беречь травинку, деревце, братьев наших меньших.

Мечтал на месте исчезнувшего хутора Ржевск восстановить-возродить усадьбу Владимира Григорьевича Черткова, в которой располагалось в восьмидесятые-девяностые годы XIX века известное просветительское издательство «Посредник», где бывали не только «великий Лев» — Лев Николаевич Толстой, но и писатель Александр Иванович Эртель, художники Алексей Данилович Кившенко, Николай Александрович Ярошенко, другие именитые в русской культуре люди.

Страстно хотел степь родимую украсить рощами и прудами.

Что-то удавалось сделать. Хотелось большего.

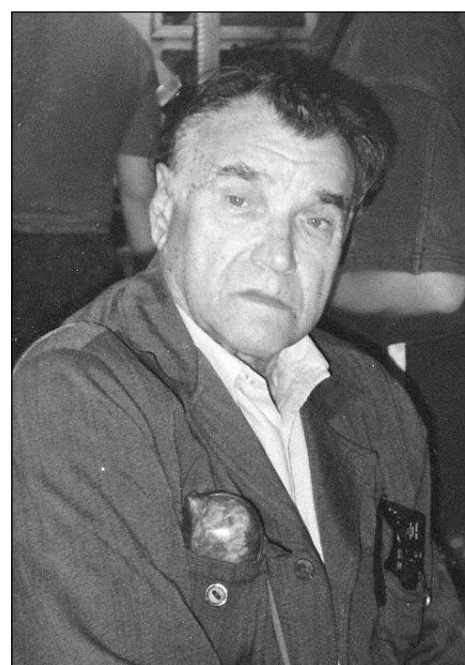
Самолично издавал свои рукописи: печатал на машинке и переплетал в плотные обложки. Часть трудов все-таки пробилась в свет из типографий. Помогли бывшие ученики. В библиотеках и школах Кантемировского, Богучарского, Росошанского районов стали учебным пособием его «Очерки о родном крае». Интересны читателям книги Чистоклетова «Богучарская юность», «В степном Воронежском краю».

К сожалению, в «самиздате» остались рукописи стихов, документальная проза — «Воспоминания старого солдата», «Я не был убит подо Ржевом».

Фронтовые будни вьелись в память намертво.

«По радио услышал: поляки, жители бывшего немецкого городка Голдап в Восточной Пруссии, требуют вернуть им из Смоленска бронзового оленя, вывезенного из Роминтенской пуши. Смоляне ответили, что скульптура, действительно, взята в тогдашней Германии на даче Геринга в счет репараций с побежденной страны. Немцы ведь беспощадно грабили Россию во время войны. Потому и поплатились не только бронзовым оленем.

Радиопередача оживила события военной поры.



Григорий Федорович Чистоклетов

Не знаю, как я уцелел в боях под Смоленском в июле 1941 года. С неба бомбовый град сыпется. На земле фашисты танками утюжат...»

Григорий Федорович вспомнил и голодную весну 1942 года на Калининском фронте: «Мы ели полусырую конину. Подбирали битых, вытаивавших из-под снега лошадей. Варили, кто как и в чем мог. Свидетельствую потрясающий факт: семнадцатого марта сорок второго я, исполнявший обязанности старшины, получал бумажные мешки. На них было помечено, что сухари приготовлены четырнадцатого марта в Челябинске. Не всякий, думаю, может себе представить, какие трудности переживала страна, если приходилось самолетами доставлять за тысячи километров на боевые позиции ржаные хлебные сухари с Урала голодающим красноармейцам...

Но — вернемся к нашим бронзовым и живым оленям, — продолжил он рассказ. — К осени 1944 года вышли на границу Восточной Пруссии. Здесь я услышал и запомнил названия городка Голдап и лесной пущи не только потому,

что тут находилось охотничьи владения великогерманского рейхсмаршала авиации Германа Геринга. Вражеские укрепления с ходу не взяли. Крепкий орешек раскололи мы, артиллеристы. Хоть хозяин убеждал соотечественников: границы неприступны! В прорыв пошли танки, пехота.

Немцы разбегались перед наступавшими нашими войсками так стремительно, бросали буквально все в своих фольварках-усадебках. И тут мы начали было брать реванш за ржевский голод. Домашние свиньи бегали по улицам стадами. Вакханалию сразу пресек Приказ Верховного Главнокомандующего. Суть его — мы пришли в Германию не как мстители, а как освободители. Мародерство должно строго караться. Брошенные врагом и жителями материальные ценности собирались, строго учитывались и использовались в организованном порядке. Даже за безрассудно загубленного поросенка можно было поплатиться.

Вот тут-то и пошли нам во благо олени. Роминтенский лес с именем Геринга оказался на нашем пути. Мы убедились, что оленина куда вкуснее поросятины. Когда войска стояли в обороне перед январским, сорок пятого года, наступлением, снабжение диким мясом велось организованно. Специальные отряды отстреливали только необходимое для питания число оленей и косуль. А этого зверья там водилось множество, встречались то и дело непуганые табунки.

Мне довелось увидеть, специально ходил посмотреть, одно из мест, где Геринг охотился. Продолговатая лесная поляна. На одной опушке расположены разные соблазнительные кормушки для зверей. А напротив — охотничий «шалашик». Добротная постройка с широкой амбразурой в сторону кормушек. Перед ней — стол, лучше сказать — широкая полка. Становись, ставь локти на полку и жди прикормленных зверей. Беспечно придут они на обед — стреляй

недвижных и беззащитных. Не охота, а убийство, но называется почему-то охотой.

Вот там, под городом Голдапом, в главном геринговском фольварке и стояло бронзовое изваяние грациозного европейского оленя. Скульптура стала копеечным предметом для возмещения ущерба, какой причинили нам фашисты побежденной Германии. О чем напомнило мне радио...»

Рассказывал Чистоклетов о селе Лебединка Богучарского района, где в 1919 году он в крестьянской хатке «родился не в рубашке, но и не совсем без рубашки», о родных и близких, о годах учебы в школе и Богучарском педучилище. Русский язык и литературу ему преподавала Ольга Павловна Страхова, которая в Богучарской гимназии учила «гения нашей литературы — Михаила Александровича Шолохова». Ей Григорий Федорович посвятил проникновенные свои строки: «Добрейшая, необыкновенно терпеливая и требовательная учительница. Всегда ровная, ласковая, с резким, казалось, но хорошо поставленным голосом, она с величайшим усердием учила нас грамотно писать. Учила культуре в речи.

Ольга Павловна при проверке контрольных работ по русскому языку, сочинений ставила оценки не только за грамотность, но и за почерк. Кроме того, на тетрадных полях всегда указывала номер параграфа в учебнике, где изложено то правило, на которое ты допустил ошибку.

С оценками за наши почерки произошел один небольшой курьез. Однажды на уроке литературы Ольга Павловна рассказала нам, как они с подружками-гимназистками послали письмо Льву Николаевичу Толстому с вопросом: бывал ли он в Богучаре? Спросили потому, что в романе «Война и мир» есть схожее название населенного пункта. Лев Николаевич ответил гимназисткам. И вот это письмо классика она сохранила и принесла к нам на урок, прочла. Пересказываю по памяти: «В Богучаре никогда не был. Недалеко от Смоленска есть местечко Богучарово, откуда и взято это название». Все было бы хорошо, если бы Ольга Павловна только прочла нам записку и оставила ее без комментариев. Но она сказала, что почерк у Льва Толстого «на единицу». Вскоре сама обнаружила печальные последствия этой своей промашки. Наше «чистописание», и без того далеко не блестящее, стало еще больше портиться. Мы резонно решили: если сам Лев Толстой пишет «на единицу», то нам уж и подавно можно обойтись без красивого почерка. Трудно пришлось Ольге Павловне переубеждать нас в этом заблуждении. Письмо Толстого я подержал тогда в руках, но, действительно, не разобрал ни одного слова...»

У Григория Федоровича не сбывалась заветная мечта — публикация книги «Географическое краеведение в сельской школе», о которой он говорил: «Это главный итог моего педагогического пути». Нежданно помогла моя заметка в областной газете «Нет повести печальнее на свете...» Нашлись попечители, издали его «Очерки о родном крае». Вместе с книгой получил письмо: «Я от души Вам благодарен...»

Справедливо обижался, когда узнавал, что вроде бы близко знакомые краеведы без спроса и ссылок использовали в печати его находки. Случается среди нашего брата и такое.

Жалился на обманную телевизионную и радиорекламу лекарств: «Отдал за них всю пенсию, а результат нулевой».

К наступающему 2007 году я готовил ему подарок: вот-вот должен был выйти из печати альманах «Слобжанская тетрадь» с рассказом-очерком Чистоклетова. А еще в типографии уже переплетали «Воронежскую историко-культурную энциклопедию». В ней публиковалась творческая биография Григория Федоровича. Но мои добрые новости упредил междугородный телефонный звонок:

— С вами говорит Петр Федорович Чистоклетов, младший брат. Григорий Федорович скончался...

Помолчали.

Мир праху твоему — человек. И да будет тебе пухом земля, которой ты признавался:

Безумно люблю ковыли.
Красивей природы не знаю,
Богаче не видел земли...